

ЭДВАРД ПАВЛОВИЧ

**ВОСПОМИНАНИЯ
ИЗГНАННИКА
(ИЗ ЛИТВЫ
В РОССИЮ — XIX ВЕК)**

(перевод с польского А. Прокопчук)

Эдвард Павлович

Воспоминания изгнанника
(из Литвы в Россию – XIX век)

«Издательские решения»

Павлович Э.

Воспоминания изгнанника (из Литвы в Россию – XIX век) /
Э. Павлович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506950-4

10 декабря 1865 года, после третьего восстания на территории Литвы (Беларуси) против царизма (1863), Александр II утвердил закон, по которому всем высланным из западных губерний (Минская, Виленская, Гродненская) предлагалось в течение 2 лет продать или обменять свои наследственные земли. Как многие другие автор воспоминаний Эдвард Бонифаций Павлович (бел. Паўловіч, 1825—1909), белорусский (польский) художник-портретист и пейзажист (ученик Канута Русецкого), был выслан на Крайний Север.

ISBN 978-5-00-506950-4

© Павлович Э.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие переводчика	6
ЧАСТЬ I	13
Положение общества Литовской Руси во время царствования царя Николая I	13
Возвращение из Европы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Воспоминания изгнанника (из Литвы в Россию – XIX век)

Эдвард Павлович

Переводчик Артур Прокопчук

© Эдвард Павлович, 2019

© Артур Прокопчук, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-6950-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие переводчика

Воспоминания Эдварда Павловича могут быть интересны читателю, который хочет представить себе взаимоотношения России с той частью Речи Посполитой, которая была отторгнута от федеративного государства в итоге трех разделов.

(см. Разделы Речи Посполитой, разделы Польши, раздел территории польско-литовского государства (Rzecz Pospolita) между Прусским королевством, Российской империей и Австрийской империей в конце XVIII века (1772- 1795).

Литва, а точнее Великое Княжество Литовское (ВКЛ), на землях которой сегодня находятся две республики, Литовская и Беларусь, были преобразованы после захвата этих земель Российской империей сначала в Северо-западный край, а немногим позже в несколько губерний.

За несколько лет своего присутствия на землях Речи Посполитой, царское правительство упразднило Конституцию Царства Польского (ПЕРВАЯ КОНСТИТУЦИЯ в Европе, 1815), отменило действие СТАТУТА Великого Княжества Литовского, ПЕРВЫЙ в Европе феодальный свод законов, где были разделены законодательная, исполнительная и судебная власти (1529—1588), закрыло Виленский университет и целый ряд учебных заведений Литвы (совр. Беларусь), запретило употребление польского и старобеларуского языков, ликвидировало НАРОДНУЮ РЕЛИГИЮ, Униатскую церковь. Униатские храмы были переданы Московской православной церкви. Все пространство Литвы-Беларуси, отторгнутое разделами Речи Посполитой, присоединенное к России, стало называться – «Северо-западный край». Исчезли с географических карт два государства.

После присоединения земель ВКЛ к России, польский язык, в своем многовековом влиянии на беларуский язык, уступил место хорошо спланированному натиску русской администрации, русской православной церкви на основы беларуской культуры, на его язык и религию. Были закрыты учебные заведения, где преподавание велось на «родной мове», усилилась борьба с Униатством, было запрещено употребление названий «литовский» («литвинский») или «беларуский» (1840 год), конфискованы, в частности после трех восстаний против царской власти (1795, 1831, 1863 гг) и запрета униатства, усадьбы, монастыри и костелы края. Вся страна превращалась в третьеразрядную область, безликий «северо-западный край» (иногда в очерках «Западный край»). В Вильне, Полоцке, Гродно, Слуцке, Новогрудке и других городах были закрыты решениями царской администрации все высшие учебные заведения и гимназии, как «разносчики революционной заразы» (после восстаний Костюшко и Калиновского). Культурной Меккой в это время стал польский Краков для литвин-беларусов западной ориентации (католиков, протестантов, кальвинистов). Петербург или Москва стали образовательными центрами для православных. Некоторое время отцам-иезуитам удавалось сохранить традиционное образование в Полоцке и в Пинске («Иезуитские коллегииумы»). В Слуцке кальвинистская гимназия, некогда называемая «Слуцкими Афинами», стала в царской России государственной классической мужской гимназией, с обязательным преподаванием всех предметов на русском языке.

Сложная судьба литвин-беларусов в эти годы, совместно с Польшей отстаивавших свои права в новом государстве, отражена во многих произведениях. Восстания против царизма вызвали массовый подъем среди разных слоев общества. Многие спаслись от преследований властями в эмиграции. Как минимум, три волны эмиграции после восстаний привели к тому, что весь культурный слой, элита Великого княжества, покинула родину. Многие из них оказали существенное влияние на европейскую и русскую историю и культуру, среди них ком-

позиторы Монюшко и Огинский, литераторы Адам Мицкевич, Александр Рыпинский и Ян Чечот, такие художники, как Наполеон Орда и Валентий Ванькович, ученые и просветители Игнат Домейко, Томаш Зан и Адам Киркор, музыканты, инженеры и ремесленники, представители науки и техники и многие другие. Отток на запад усилился после упразднения в ВКЛ статуса многочисленных «вольных городов» (по Магдебургскому праву), закрытия свободных цехов и общин.

После включения Литвы (Беларуси) в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой на передний план вышли политические причины эмиграции. Страх репрессий со стороны царского правительства вынуждал покидать родину тысячи участников восстаний (1794, 1830—1831, 1863—1864 гг.), сторонников Наполеона и восстановления ВКЛ во время русско-французской войны 1812 года. Часть из них включалась в революционное и освободительное движение в Европе и Америке (Тадеуш Костюшко, Валерий Врублевский, Николай Судзиловский и др.), другие содействовали развитию культуры и науки стран своего нового проживания, не забывая одновременно о Литве – Беларуси. Беларуские корни имел французский поэт Гийом Аполинер, дед которого (М. Кастровицкий), как участник восстания 1863—1864 годов эмигрировал в Италию*.

* А. Прокопчук, «Полоцк – Літва – Rzeczpospolita – Беларусь, это наше, здесь мы – беларусы...» часть IV (XVIII – XIX в.в.), размышления литвина – беларуса об истории нации в цитатах и документах – исторический коллаж.

Прошло три десятка лет после восстания 1830—31 годов. Выросло следующее поколение сынов Литвы-Беларуси, унаследовавшее от своих отцов дух вольности, стремление к свободе, скрытую ненависть к царизму. Из-за участия студентов и преподавателей в восстании 1830—1831 года, «рескриптом» от 1 мая 1832 года Николая I, был закрыт Университет в Вильне. Он оставался главным образовательным центром Великого Княжества Литовского на протяжении трех столетий. Университет был преобразован из школы иезуитской коллегии в 1570 году Валерианом Протасевичем (родился в 1505 году, в местечке Крайск Минского воеводства, ныне деревня Логойского района Беларуси, скончался 31 декабря 1579 года). С этого времени до 1921 года в Беларуси отсутствовали высшие учебные заведения. Как правило, дочерям и сыновьям Литвы в это время давалось домашнее образование. Чтобы закрепить население края в местах проживания, остановить эмиграцию в Европу, в 1823 году Александром I был подписан «Указ» о запрещении жителям Литвы (Беларуси) направлять своих детей на учебу за границу.

Василь Скобля, Беларусь: история, личности, менталитет <http://kibsvg.narod.ru/>

Строго говоря, этот указ действовал до 1990 года и пережил всё советское время. Царскими летописцами было исписано немало бумаги, чтобы синтезировать новую, «российскую» историю и отгородиться от древней Литвы и Белой Руси. Ярким примером такого дистанцирования является запрет Николая I употреблять в официальных документах названия «Белая Русь» и «Литва», утвержденный сенатом (18.07.1840 г.). Царизм в своих учебных заведениях воспитывал «нового русского человека». Но оставалась одна сфера воспитания молодого человека – домашняя. Домашнее воспитание легло на плечи женщин Литвы-Беларуси, они участвовали во многих других образовательных сферах жизни народа, как учителя, знатоки ведения хозяйства, собиратели библиотек, музыкальные педагоги. Они сохранили дух народа, его самобытную культуру.

Судьба нации была сломлена, развитие остановлено во времени в XIX веке. Её молодежи были закрыты все дороги в будущее. Высшие учебные заведения Великого Княжества Литовского закрывались царскими декретами. В связи с процессом «филомагов», по инициативе

нового императорского назначенца, графа Новосильцева, из Виленского университета указом 14 августа 1824 года для «пресечения вредного влияния, которое возымела противодействующая университетскому начальству партия», были уволены и высланы профессора Юзеф Голуховский, Игнатий Данилович, Иоахим Лелевель, Михал Бобровский. Университет был закрыт. С этого времени и до 1921 года в Беларуси отсутствовали высшие учебные заведения.

Полоцкая академия, после изгнания иезуитов из Российской империи, была закрыта в 1820 году. Значительная часть её знаменитой библиотеки была расхищена, сохранившиеся книги были распределены между различными учебными заведениями России. Оборудование полоцкой типографии в 1833 году было отправлено в Москву. В 1830—1835 годах постройки академии были реконструированы, возведены новые корпуса, и здесь разместился Полоцкий кадетский корпус. Россия вновь «сосредотачивалась», а заодно и военизировалась. Пинский коллегиум иезуитов, разграбленный однажды казаками Богдана Хмельницкого (1657), где принял мученическую смерть проповедник Андрей Боболя, в 1800 году был «преобразован» и до 1918 года в нем находился православный Богоявленский монастырь. Вторично «коллегиум» подвергся разграблению в 1939 году (после присоединения западной Беларуси к СССР). В 1940 году богатейшая библиотека коллегиума была вывезена в Ленинград. Величественный барочный костел св. Станислава, составная часть Пинского коллегиума, был взорван в 1953 году.

В начале царствования Александра II (1818—1881), правительственная политика по отношению к западным губерниям либерализировалась. В 1856 году Виленским (а также гродненским, минским, ковенским) генерал-губернатором был назначен В. Назимов, сменивший «вешателя» Муравьева, и пользовавшийся симпатиями у разных слоев общества. Человек несомненно прогрессивных взглядов, Назимов предложил Александру II, учитывая историю и общественное развитие ВКЛ и Польши, где крестьянство до русской оккупации было относительно свободно, пересмотреть вопрос об освобождении крестьян. 20 ноября 1857 года на имя Назимова был получен «Рескрипт», положивший начало крестьянской реформе в России. По предложению Назимова государственные власти приняли ряд мер по смягчению проводившегося курса. Все осужденные за политические преступления 1830—31 года были полностью амнистированы. Отменялся закон, по которому приниматься на службу могли только лица, имевшие десятилетний стаж работы в соответствующем ведомстве. Уроженцам Литвы, его губерний был открыт доступ к гражданским должностям. В учебных заведениях вводился польский язык. Правительство пошло навстречу папской курии. Разрешалось строить новые костелы и на эти цели даже отпускались определенные суммы из казны.

Объединение униатской церкви с православной (1839) не дало тех результатов, которые ожидалось в Москве, особенно иерархами РПЦ. В то же время Римско-католическая иерархия не уставала хлопотать перед русским правительством об открытии ранее закрытых костелов и монастырей. Известный сподвижник Кастуся Калиновского *Зыгмунт Сераковский*, мог с полным правом сказать: «Что такое Западный край? Высший и средний класс в нем составляют поляки, или, точнее говоря, литовцы и русские, которые добровольно приняли польский язык, польские стремления – одним словом польскую цивилизацию. Все, что думает об общественных делах, все, что читает и пишет в Западном крае, – все это целиком польское»*.

*Лазутко С. А. Революционная ситуация в Литве 1859—1862. – М., 1961.-С. 183.

Можно не согласиться с этой точкой зрения, но читатель «Воспоминаний» невольно погружится в тот «польский дух» в Литве, среди литвин (беларусов), который веет на всех страницах рукописи Эдварда Павловича, литвина по происхождению.

Православие должно было сыграть главную роль в «русификации» края. Сотни православных священников были направлены в Беларусь-Литву для этих целей. Началась повсеместная работа по привлечению («перекрещиванию») жителей Литвы-Беларуси в православие. Православные пастыри тщательно вели учет по прибавлению «своей» паствы. С 1843 по 1845 год к Православной Церкви от «латинства» присоединились в Литовской епархии 1110 человек. В Литовской епархии со времени перенесения епархиального управления в Вильно в 1845 году к Православию присоединились 3848 человек из «латинян», да смешанных браков было 11121. За 1864 год к Православию в Литовской епархии присоединилось 1620 человек; в 1865 – 4254, в 1866 – 25194. Видно, по документам, как туго шла эта работа, растянувшаяся на половину столетия. Чтобы ускорить темпы русификации и окончательно подчинить институты края царской администрации, согласно «Указа» от 10 декабря 1865 года, все владельцы секвестированных имений, высланные из Западного края, «должны были в течение двух лет продать или обменять свои поместья. Но при этом запрещалось продавать их «полямкам». Они могли быть приобретены только лицами русского происхождения, православного и протестантского вероисповеданий... Это условие поставлено было, очевидно, как средство к действительному и успешному обрусению края»*.

После этого указа значительно ускорилась русская помещичья колонизация Северо-Западного края.

*История восстания 1863—1864 гг. на территории Беларуси (обзорная справка) Архивы Беларуси <http://archives.gov.by/index.php?id=223980>

Безжалостно подавленное царским правительством, восстание 1863 года оставило на века в Беларуси, Литве и Польше глубокий рубец в исторической памяти. Массовые выселения литвинов в другие губернии (Кавказ, Херсонская и Таврическая губернии) привели дополнительно к росту внутреннего сопротивления царизму со стороны русской интеллигенции, познакомившейся с судьбой своих новых соотечественников. Все высшие учебные заведения Великого княжества были закрыты еще ранее, единственный оставшийся Гора-Горацкий земледельческий институт за участие его студентов в восстании Указом российского императора Александра II был целиком переведен в Петербург (Царское Село).

После восстания 1863 года были введены новые ограничения в правилах подтверждения дворянства. Указ от 10 декабря 1865 года запрещал «полямкам», и беларусам-католикам, покупать имения. Указом от 19 января 1866 года все шляхтичи, не доказавшие своего дворянства, записывались крестьянами или мещанами. Сословия однодворцев и граждан были упразднены после указа от 19 февраля 1868 года. Однодворцы были приравнены к крестьянам, а гражданам давался год, чтобы сделать выбор, между крестьянским и мещанским сословиями*.

Поскольку главной движущей силой восстания 1863 года была шляхта, польское и беларуское дворянство (литвины), царское правительство жестоко расправилось с его участниками. Поместья повстанцев конфисковывались, а их владельцы ссылались в Сибирь. Были предусмотрены меры и по замене «польских» землевладельцев выходцами из России. Министром внутренних дел Валуевым было направлено 4 сентября 1863 года «Отношение» в Западный комитет «о принудительном выселении однодворцев и мелкой шляхты во внутренние губернии России»*

*Отношение министра внутренних дел Валуева в Западный комитет о принудительном выселении однодворцев и мелкой шляхты во внутренние губернии России. 4 сентября 1863 Фотокопия. Печатный документ. Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Т. II. Мінск, 1940. С. 535—536. БелНИЦЭД, сбор электронных копий документов и материалов по истории восстания 1863—1864 годов на территории Беларуси.

Вооруженная борьба на территории Литвы (Беларуси) продолжалась еще почти год. Летом 1864 года была ликвидирована последняя революционная организация в Новогрудском уезде. Военное положение было отменено полностью лишь в 1870 году.

Тем не менее, восстание вынудило царское правительство пойти на более выгодные условия проведения крестьянской реформы в Польше, Беларуси и Литве. Восстание оказало большое влияние и на оживление революционного движения как в Российской империи, так и в Западной Европе, а также на рост национального самосознания литвинов (беларусов), литовцев и поляков. «Преобладание белорусской шляхты среди участников восстания дало основание считать его акцией дворян и католического духовенства. Именно на этот факт делала акцент адресованная крестьянам правительственная пропаганда. Однако абсолютное большинство этих «дворян» имело лишь сословное звание, а по социально-имущественному положению это были мелкие чиновники, представители интеллигентских профессий, малоземельная и безземельная шляхта. Помимо дворян, в рядах повстанцев было 6% духовенства, 18% крестьян и незначительное число мещан. 75% участников восстания были горожанами («однодворцы», «безземельная шляхта») *.

* Владимир Снапковский, *Белорусская эмиграция («Белоруссия и Россия: общества и государства»*, редактор-составитель Д.Е.Фурман, Москва, Издательство «Права человека», 1998 год, с. 88—105

Немалая часть творческой интеллигенции была вовлечена в освободительное движение того времени. Таким был известный художник, литвин-беларус, Наполеон Орда. Охваченный патриотическим подъемом своего окружения, он пишет стихотворное обращение своим друзьям, полякам – «Литвин-поляку» («Litwin do Polaka», польск. яз.). Попытаюсь передать в нескольких строфах дух этого стихотворения русскоязычному читателю в переводе с польского:

Эй, поляк, дай руку дружбе,
Мы с тобой одной ведь крови,
Нашей цели верность служит,
Встанем вместе, станем вровень.
Жигимонт нам заповедал
Быть народом нераздельным,
Все делить – и наши беды,
Нашу правду, наше дело.
Встанем братья за Отчизну,
Мы не пожалеем жизней,
Чтоб не встала на границе
Злая тень Императрицы...

подпись – Наполеон Орда, Литвин

Повстанческий полк Наполеона Орды потерпел поражение и перешел границу России с Пруссией. Восстание, как и предыдущее восстание Костюшко, было разгромлено превосходящими силами регулярной российской армии под командованием генерала Паскевича. Есть оценки некоторых историков, по которым численность войск, брошенных на подавление восстания достигала 200 тысяч. Наполеон Орда оказался через некоторое время во Франции*.

*«Франция – прытулак польска-беларускай эміграцыі», Л. Несцярчук, «Напалеон Орда», Шлях да Бацькаўшчыны. Мінск «Мастацкая літаратура», 2012, стр. 35

Многочисленные школы в Бресте, Минске, Несвиже, Клецке, Витебске, Новогрудке, Орше, Ивье, Сморгони, Заславле, Любче и др. (кальвинистские, арианские или братские), обучавшие не только богословию, но и различным языкам (латинскому, греческому, беларускому, польскому), риторике, истории, математике, античной поэзии, готовившие учеников (учебный процесс длился от 6-ти до 10 лет) для поступления в университеты, были закрыты. Взамен были «вновь устроены 13 русских первоначальных (одно- и двухклассных) училищ преимущественно для нижних классов народа, куда, однако же, и дети других состояний записываются, обучаясь там русской грамоте, письму и арифметике...» *.

*«Из письма генерал-губернатору Н.Н.Хованскому о реорганизации школ в округе» 8 марта 1834 г. Антология педагогической мысли Белорусской ССР, Москва, «Педагогика», 1986, стр.178.

Русифікацыя // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т.6. Кн.1. – Мн., 2001. С. 136

10 декабря 1865 года Александр II утвердил закон, по которому всем высланным из западных губерний предлагалось в течение двух лет продать или обменять свои земли. Покупать же эти земли могли только православные. Лицам «польского происхождения» (то есть всем католикам) это запрещалось.

Как и многие другие «Павловичи», был выслан из Литвы и Эдвард Бонифаций Павлович (бел. Паўловіч, 1825—1909) – польский (беларуский) художник-портретист и пейзажист (ученик Канута Русецкого). Представитель литвинского, шляхетского рода герба «Ясенчик».

Герб рода Павловичей, узаконенный в 1620 году

Детство Эдвард провел на Новогрудчине, учился в Жировицах, Слониме и Слуцке. Учился и в Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге, которую окончил в 1853 году, уехал на несколько лет в Европу, вернулся в Новогрудок и с 1859 года преподавал в Новогрудской гимназии, в 1860 году основал здесь воскресную школу и театр. После восстания 1863—1864 года Эдвард Павлович был арестован и сослан в глубь Российской империи. Все чем владел он и его семья, было конфисковано, так что после ссылки ему пришлось перебраться во Львов (1870 год, тогда Австро-Венгрия), где занимался творчеством, писал картины, издавал каталоги фондов музея Любомирских. Там и скончался в 1909 году.

Эдвард Бонифаций Павлович (бел. Паўловіч, 1825—1909)

Эдвард Павлович оставил после себя «Воспоминания», которые передают дух времени, после третьего восстания в Литве и Польше 1863 года, описывают общественную жизнь Литвы, жителей Новогрудка, мытарства ссыльных на крайнем севере России, в Карелии (совр. Архангельская область), его путешествие через всю Россию после амнистии, что я и предлагаю читателю.

Авторизованный перевод с польского языка – Артур Прокопчук

ЧАСТЬ I Новогрудок

Положение общества Литовской Руси во время царствования царя Николая I

Чтобы легче было понять эпоху, которую я хочу описать, считаю своим долгом коснуться времени, которое целиком, с точки зрения Польши, определилось временем царствования царя Николая с 1831 года.

Поражение восстания 1831 года горько отразилось на судьбе Литвы. Железной рукой царя Николая, его мстительной политикой подавлялось все живое, уничтожались польские черты общества, гасился его дух. С этого времени главным направлением царской политики стало обращение народа в «русскую веру». государственный панрусизм. Задачами этой политики были:

– изоляция литовского общества, полное уничтожение Унии, религиозных, польско-католических элементов, подавление вековой толерантности, сложившейся в народе за долгие годы.

Первым самым действенным шагом в этом направлении стала конфискация всех земель и усадеб участников восстания. И пошло – закрытие Виленского Университета (1833), всех школ поддерживаемых местным духовенством, монастырей, а потом и закрытие костелов. Либо передача их православной церкви, которое началось еще раньше (1828). Первой жертвой этого насилия стала Жировицкая обитель в окрестностях Слонима, поддерживаемая базилианцами и известная древним образом Богоматери. Прекрасно расположенная в замечательном уединенном месте, как бы созданная для молитвы, эта обитель притягивала к себе со все сторон и сторонников веры и учащуюся молодежь.

Вскоре после 1831 года новогрудская земля, древнейшее воеводство края, заселенное преимущественно униатами, стала ареной преследования и жителей, и монашества, насильственного обращения их в другую веру. Семашко, Зубко и Голубович, исключенные из епископов (архиереев), ренегаты униатства, стали первыми апостолами православия. Удар, который первым пришелся на базилианскую общину, был началом разрушения Униатства, которое вскоре, в 1838 году, в Вильно, было завершено под лозунгом «воссоединения», то есть поворотом и окончательным поглощением православной церковью.

После запрета школ и церковной Унии, настала очередь шляхты, так называемой «местечковой» («застенковой» польск. яз.).

С незапамятных времен, либо из-за миграции из соседнего Подляшья, либо в силу бесконечных войн, эта шляхта осела в многочисленных «колониях», образовав отдельный класс народа. Это был польский элемент в литовской Руси, незамутненный посторонним влиянием, сохранивший древние традиции, преимущественно католические, установивший легитимность этого слоя общества.

В 1795 году Екатерина II, с целью «возвращения русского люда в лоно православия», направила Указ генерал-губернатору Литовской губернии Тутолмину, закрыть униатские монастыри, а заодно объявила о «высочайшей воле», пока, без запрета самого униатства (Русская старина 1870 год).

В Петербурге был издан целый ряд распоряжений и указов, лишивших шляхту своих гербов и документов, переведших шляхту (литовское дворянство), в так называемый разряд «однодворцев», с обязательной поставкой рекрутов. Этот рекрутский побор привел к тому, что

через несколько лет практически исчезла дворянская, (шляхетская) молодежь «однодворцев». Семьи самих однодворцев отправлялись в глубину России на поселение, что привело не только к разорению этих несчастных семей, но и к потере веры в будущее. Мало что в скором времени осталось от той шляхты, оторванной от отцовских мест издевательской властью, угнетаемой распоряжениями местного начальства, оставшейся оторванной от живительного источника родины. Исчезали остатки шляхетской гордости и бывшего благосостояния.

Оторванный от веры отцов, постоянно, пусть понемногу, испытывая давление православной церкви, этот многочисленный интеллигентный слой общества исчезал во всей Литве. За него взялась вся государственная российская бюрократия с присущей ей византийской хитростью и подвохами.

Вскоре были закрыты Университет и Вильнюсская академия, а кроме того, и все школы, в Свислочи, Жировицах, Новогрудке, либо реорганизованы оставшиеся в четырехклассные, как в Слониме, Лиде и других городках. Полностью были не только закрыты, но и разрушены школы в Несвиже, Лыскове, Щучине, Молодечно и других местах. Открывались школы новые, «губернские» или «повятовые» и, так называемые, «Благородные (дворянские) институты». Образцом этих школ был Виленский институт, который должен был стать компенсацией за уничтожение Университета, и тем же для Литвы, что и Жолибор для Польши, с той только разницей, что там молодежь воспитывалась в духе предков, а отсюда должны были выходить верноподданные Его Императорского Величества.

Все просто, власть взялась за дело образования, которое служило единственной цели воспитания новой морали молодежи, в нужном направлении, угасал дух внутренней свободы. В этом воспитании не было места ни для истории отечества, ни для ее литературы и родного языка. Вместо родного языка господствовал русский и французский языки общего образования. Стоит еще добавить, что распространялась и новая заманчивая униформа, шпаги и шляпы высшего сословия. на что раньше имели право только студенты Университета.

Зрелища и товарищеские вечеринки в школах и за пределами школ шли обычным путем. Не поощрялись азартные игры, но директора этих учебных заведений отличались легким характером и не очень высокой квалификацией и смотрели на это сквозь пальцы. Так, одним из таких персонажей, был поляк, податливый власти, страстный игрок и никчемный педагог. Можно себе представить, что это только радовало власть предрержащую. Она, за немногими исключениями, воспитала целое поколение карьеристов. Так, когда Вильно покидал один из царских сановников, Czewatti, и давал указания на дальнейшие действия властей по русификации Литвы, по его мнению в Виленском институте это удалось сделать самым лучшим образом.

Как говорилось выше, Виленский институт стал образцом для многих других учебных заведений. Такой же институт был образован и в Новогрудке, но по разным причинам был вскоре закрыт. Обеспеченные семьи предпочитали посылать на учебу своих отпрысков в Вильно, где им можно было войти в круг детей высокопоставленных родителей, завязать тесные отношения с будущими властями края.

Результаты такого образования быстро дали себе знать. В шляхетских семьях появились неизвестные прежде «хорошие манеры», главной чертой которых было знание французского языка.

Воспитанник «благородного института» возвращался в свое скромное жилище иногда с чувством неловкого отношения к быту своих родных. Ему уже были не по вкусу домашние обычаи, родной язык и литература, которой он уже пренебрегал, если не совсем отчуждался. Он уже не подходил к старым часам, чтобы услышать их перезвон на мелодию мазурки Домбровского. Ему нужен был комфорт, шик, друзья из высоких сфер, с которыми сблизился в школе. Его уже мало интересовало, что ему может принадлежать в имении отцов и не было мыслей о каких-либо реформах в хозяйстве.

Исчезала сельская простота дворов, сердечные отношения, может и невысокие, но за то искренние. Стали цениться новые вещи, сельскохозяйственная техника, меблировка дома, экипажи. С энтузиазмом, достойным другого применения, строились новые дома, удобные и красивые, подобно английским или итальянским виллам. С болью можно было видеть, как погибали старые дубы и липы в аллеях под топором новомодных садовников и декораторов, превращающих старые сады в английские парки. Однако никто этим новациям противостоять не смел, так как это было модно, так было у графа X или князя Y. и тд. Словом начиналась эпоха комфорта, шика и роскоши, которая целиком изменила лицо общества и, самое худшее, что способствовала появлению нового поколения «господ».

Не ошибусь, если скажу, что появление этого паразитического сословия было присуще и Литве и Польше.

Пробудившееся от духовного сна событиями восстания, общество, лишённое публичной жизни и развития, но не утратившее свои прежние помыслы, направляло свою энергию и силы на мелкие цели в пределах узкого круга своих соотечественников. Польша приобщалась к великосветским обычаям и чужеземным новациям.

Особенно в этом направлении старались женщины. Они раздавали какие-то дипломы, поощряли отряды своих многочисленных поклонников к рыцарскому поведению. Не настаиваю, что это была всеобщая болезнь, однако ее влияние на молодежь грозило сыграть свою отрицательную роль на судьбу края.

Чувства собственного достоинства, любованье прекрасным, возвышенным, широта взглядов, уважение общественного мнения не были в этом новом кодексе общественных правил на первом месте. «Взгляды прабабушек были уже покрыты прахом, а сладкий и сердечный голос Гофмана еще не достиг сердец, открытых лишь салонным церемониям. Преодолеть это, разбудить от летаргии мог только истинно сильный голос, который вскоре потряс эту косность и тронул сердца»..

Прежде чем это произошло, прежде чем общество в своей большей части вернулось на старый путь, протрезвело наконец, еще долго оно находилось в плену болезненной сентиментальности, какой-то кошмар навис над ним.

«Со времен политического поражения наша земля пошла по пути мрака и печали. Мы оторвались от реальности, которая стала для нас общей бедой.

Замученные и ободренные, потерявшие прежний блеск и изобилие, мы оставили в прошлом завоеванные знамена и блестящее золотом рыцарское оружие, оставив себе только воспоминания о тех ясных днях среди бури, райских дней.

Не принимая сегодняшнего дня, видя перед собой лишь мглу в неясном будущем, жили мы только надеждами. что придет свет, как ждет землю за горизонтом потрепанный бурей моряк.

В этом болезненном ожидании рождались на земле польской поэтические и потерянные природы, беспокойные души, Икары летящие к солнцу и гибнущие в море забвения.

Моральная смерть той болезненной поэзии была одной из Божьих кар, низринутой на нас с неба.

Славная некогда своим мужеством, наша земля порождала бледные тени, слабые сердца, отравляла тоской, отрывала нас от действительности, от обязанностей, лишала сил, разрушала традиции, словом уничтожала все то, что могло и должно было стать смыслом существования.

Эти «лунатики» не могли стать ничем иным, так как не имели Божьего дара, чтобы стать простыми и порядочными людьми. Их больная поэзия предлагала им любить и умирать от любви, чтобы потом сделать несчастными их жен, толкала к поискам славы, чтобы отказаться от нее при первом поражении, идти к людям, но не любить их, а постоянно роптать на судьбу.

Счастливы они были бы, если бы встретили смерть на поле битвы, прежде чем стали бы тяжелым грузом для общества» (I.Szujski).

Все же хочу еще добавить, что в то же самое время создавались среди молодежи, преимущественно обеспеченной, кружки и партии. не впадающие в сентиментализм, которые ставили себе другие задачи, как это было в Украине и Подоле, так называемые партии «балагулов». Измученные условностями среды, они давали волю своему темпераменту, мужской энергии, традициям потомков великого рыцарского прошлого. Однако дело не шло дальше ярмарочных потасовок и азартной карточной игры, которая пустила на ветер не одно отцовское состояние, когда гордость народа. Адам Мицкевич закладывал отцовские часы в Париже, чтобы оплатить его лечение...

В Литве здравый инстинкт народа отверг с самого начала подобные новшества.

Дух вседозволенности, выпущенный на свободу, блуждал химерами по фантазиям молодежи, бросая ее то в одну, то в другую сторону. Модные дамы зачитывались романами разных Бальзаков, Жюль Жанов, Дюма и Жорж Сандов, разогревались сценами парижских будуаров, переноса на родную ниву французские сентименты. Они рыдали над долей негров в Америке, начитавшись романов Бичер Стоун, не задумываясь над тем, что происходит в крестьянских избах у себя дома. Музыка и танцы, овеянные сентиментализмом, были кульминацией их образования. Отсюда произошли, неизвестные прежде в шляхетских семьях, дамы легкого поведения, утратившие цели, соответствующие своему положению в обществе, утомленные «прозой ежедневной жизни», гоняющиеся за идеалами болезненного воображения. Они искали развлечений, нарушая правила будуаров, не всегда считаясь с устоями и святостью семейного очага. Одним словом, происходило так, что кто-то заметил, «насколько больше стало у нас салонных дам, на столько уменьшилось число хороших хозяйшек и добропорядочных матерей».

Напрасно те, кто имели мужество указать на высшие Цели, на гражданский долг и плачевное положение общества, требующее улучшения ситуации, указывали на примеры Бжозовских и Хрептовичей. Напрасно они говорили, что французская мода, привитая обществу в самые его трагические моменты угасшего духа, потакала его врагам, что парижский образ жизни, «северных французов», годится лишь для тех, кто не имеет за собой прошлого, охраняющего нас. Что придется дорого заплатить польскому дитяти, над колыбелью которого склоняется не мать-полька, а французская бона, от которой он услышит первые слова, поймет ее речь.

Так говорили многие, которые трезво смотрели на жизнь, но их голос был «гласом вопиющего в пустыне».

Следование моде того времени открывало устремленную к роскоши дорогу, в конце которой ожидали руины, потеря отцовского состояния. Здесь и находится цель, к которой власть упрямо подталкивала общество. Здесь находилась ахиллесова пята повергнутого народа! Бесильное общество, лишенное моральной и материальной силы, становится безопасным.

Мы видели, что российская власть, которая «заботливо» следила за симптомами нашего общественного упадка, изучала наши наклонности и выделяла немалые суммы царедворцам в Вильно и Киеве на балы и приемы, и разные дорогостоящие развлечения для шляхты, старается получить от нее признательность. Власть подсаживала шляхту на излишества, на показной вкус, чтобы она не выходила за рамки «хорошего тона». Короче, давала пример верхам для распространения этих правил в широкие массы.

Благоприятное положение новогрудского «повета» (павет, повет, – область, уезд, бел. польск. яз.), его плодородные земли, а значит и большее чем где-нибудь благосостояние жителей, среди которых были имена древних фамилий, гордо носивших свое имя, задавало тон всему краю. Там была колыбель многих родов, там сохранялась память о блестящем прошлом,

о заслугах, славе, что давало им превосходство во всей Руси Литовской. Ничего удивительного, что это становилось и образом жизни, в силу обстоятельств, и целью и амбициями, поднятыми на самый высокий уровень, как нигде более. Этому способствовали и щедрая земля и местные условия жизни.

Новогрудская земля граничит с одной стороны с глубоким Полесьем, с другой огибается каналом Агинского, связывающим ее с Черным и Балтийским морями, что было преимуществом, особенно в то время, когда еще не было железных дорог. Торговые связи с Причерноморьем, через которые доставлялась соль, достигали Немана. Сюда с запада шли товары, отсюда сельскохозяйственные продукты на Балтику.

Леса и пуши новогрудской земли, такие как Налибокская, Кочережка, Репичевка, с трех сторон окружающих повет, давали и строительный материал и топливо. Реки Щара, Уша и Сервечь, с многочисленными притоками, окружали луга и пастбища, придавали особую красоту краю. Почвы щорсовские, кашовские и даревские по берегам Сервечи, Уши и Двейки, особенно богатые, назывались «Новогрудской Украиной». Весь этот живописный край с его холмами и долинами, в тени рощ, со старыми костелами и церквями, полный жизни в многочисленных усадьбах, в людных богатых селах, так счастливо расположенных, был, наверное, самым лучшим в Литве.

Не приходится удивляться богатству и достатку края. В шляхетских домах, где по старым обычаям ранее подавалась медовуха, и то только по праздникам, стали появляться заграничные вина, что раньше были только у господ. Женщины позволяли себе не выходить годами из пределов нескольких домов, изредка посещая костел или навещая в соседней в собственной бричке. Между тем шли преобразования домашнего быта, менялась одежда, стиль поведения и приемов гостей. Следуя французской моде, надо было заводить повара, слуг, экипажи, фортепиано и тд. Надо было равняться с одними и превзойти других. Карнавалы в городках и селах, охота, ярмарки (в Зельве и Несвиже), визиты, именины, ассамблеи, весь арсенал местных прелестей, стал важной частью жизни общества в Литве.

Раз в три года приходилось посвящать себя и общественной жизни, когда созывались «сеймики», хотя и ограничивалась тесными рамками, установленными властями, но не слишком влияла на общий ход жизни, утоляя некие общественные амбиции. Выбранный один раз в три года губернский «Маршалок» (или поветовый) иногда входил во вкус и продлевал несколько выборов, заводил секретаря, который приносил на подпись документы и «де факто» управлял весь срок губернией или поветом. Приходилось иногда присутствовать на торжествах по случаю царских праздников, чтобы увеличить свою популярность среди дворянства, давая щедрые приемы с хорошей трапезой, напоминавшие старопольское гостеприимство. При Николае положение Маршалка, как представителя местного дворянства и его интересов, заставляло власть относиться к нему снисходительно, понимая, что его консерватизм является надежной опорой трона.

Таковыми были обычаи и нравы литовско-русского общества в первом десятилетии после 1831 года. Можно спросить, почему шляхта, местное дворянство, отодвинутое от политической жизни, обреченное на бездеятельность, в крае, по преимуществу сельскохозяйственном, не взялось, следуя своим инстинктам, за земледелие? Ведь в то время оно была освобождено от всех налогов, поборов, выплат, которые позже свалились на него, обладающего сельским людом. Не приложило оно усилия ни моральные, ни материальные, чтобы расширить свои хозяйства, вывести их на более высокий уровень.

А какова роль духовенства, стоящего между шляхтой и царским двором? Что оно могло сделать? Ответ краток. Его бездействие прежде всего объясняется духовным опустошением, последующим после подавления восстания. Кроме того, отсутствием соответствующих научных институтов и значительным снижением интеллектуального уровня. Любая мысль о прове-

дении каких-либо реформ вызывала усмешку, к тому же для них не было ни материальных средств, ни капиталов. В короткий срок после 1831 года все оказались в долгах.

Ну, а духовенство, разве что у жмудинов, где община подпитывалась шляхетской молодежью, отягощенной хлопотами хозяйства, где вся ее роль сводилась к костельным обрядам, но ее не заботила судьба общины. Викарий общины того времени был в прямом смысле слова «шляхтич в сутане». Его роль была не разбазарить своё хозяйство, но он и не мог поднять его, принести свет под крестьянские крыши. Он не мог или, как минимум, не хотел быть посредником между холопом и господином. Х. Павел Бжостовский еще не имел в то время своих последователей в Литовской Руси.

Павел Ксаверий Бжостовский, (1739 – 1827) Государственный и религиозный деятель Великого Княжества Литовского, меценат. Писарь Великий Литовский (1762—1774), архидьякон виленский (с 1823). Публицист и переводчик. Создатель первой в Европе, так называемой «крестьянской республики» (Павловская республика, 1767 год – до «раздела Польши Российской империей»).

Провёл радикальные социально-экономические реформы, введя республиканское самоуправление крестьян.

Основными изменениями были: отмена крепостного права и замена его денежной рентой, право крестьян на свободное управление своей землёй и хозяйством, торговлю и ремесленные работы. Население также приобрело возможность свободно выбирать своих правителей, Бжостовским был создан Парламент республики Павловской.

Одним словом, кроме единичных случаев, шляхта и духовенство того времени не обрели твердой позиции по отношению к народу.

Еще в 1818 году группа жителей Литовской губернии, возглавляемая Маршалком* Михаилом Ромером, подала просьбу об освобождении своих крестьян. Просьба, как известно, не была удовлетворена. Однако власть эту просьбу отложила на всякий случай, имея ввиду воспользоваться в случае необходимости дальнейшего искоренения польского элемента в Литве.

*Маршалок – высокое должностное лицо в Великом Княжестве Литовском

Чувствительная ко всем проявлениям общественного движения, власть понимала, что народ, обезоруженный морально и материально, не по своей воле, способен проявить инициативу только ценой больших жертв, и сделала все, чтобы это было невозможно.

Так что не следовало искать справедливости и апеллировать к совести народной, которой не было и быть не могло, но фактом оставалось, что дальнейшее развитие шло по наклонному пути, все далее к окончательному закабалению народа.

Так все шло более или менее до 1848 года. Но уже первые действия Общества демократов (Towarzystwo demokratyczne, польск. яз.) и его эмиссаров (Конарский, Волович, Заливский) эхом разошлись по всей Литве, и вслед за тем, начались аресты, давление властей, конфискация имущества, и, может быть, этот дух времени, движение литовского общества, пробудили и в Европе революцию 1848 года, способствовали ее возрождению.

И не было тогда ни одного дома, где не знали хотя бы часть «Дзядов», «Пана Тадеуша» или «Пилигримов» великого Адама Мицкевича, «Кордиана» Юлиуша Словацкого или «Песни о нашей земле» Зигмунта Красинского. Книги французских авторов переходили из рук в руки, а вскоре появились и романы своих авторов. Что Мицкевич, Красинский или Словацкий излагали широкими мазками, эти золотники в их произведениях, Грабовский, Корневский и Кра-

шевский тщательно и детально переносили в свои повести, на родную почву, несмотря на продолжающееся давление властей.

Многое из области искусства было направлено на возрождение скованного народа, чтобы разбудить его дух, который, раз выпущенный, искал своего приложения в разных сферах жизни.

Прежде чем живопись стала нашей гордостью, украшением и утешением в этом духовном концерте, в музыку пришли Шопен, Монюшко, Комаровский, которые слушали биение народного сердца, дыхание земли, ее полей и лесов и, собрав эти звуки воедино, создали великие музыкальные творения.

Земля Новогрудская, колыбель Рейтенов, Корсаковых, Мицкевичев и Чечотов, разве могла не откликнуться на это биение, которое наэлектризовало весь край? Разве могла она не внять голосу и призывам, особенно в то время, когда из долгой сибирской ссылки вернулись Зан и Чечот.

Отдавая дань истине, надо сказать, что помимо общего подъема, пробуждения, не было еще намерений переступить дозволенные границы, не созрели еще плоды собственных воззрений ни на необходимость реформ собственной жизни, не терпящих отлагательств, ни на общее дело людей труда. Много, правда, читали, еще больше мечтали, но ничего не делали. Это было время, когда любая мысль, высказанная в перерывах между преферансом и составлением гороскопов большой политики, вызывала у отцов усмешку и считалась детскими мечтаниями.

Тешились мечтами о безмятежном завтрашнем дне. Не удивительно, что эта эпоха заканчивалась прекрасными балами и приемами в честь гвардии, расквартированной в Литве. Балы были все пышней, некоторые находили в них единственное поле приложения своих усилий. Какой роскошью было отдаваться страстным вихрям вальса или польки, обнимая плечи дам, недавних героинь салонов и царских дворов! Здесь была и дипломатия властей... Лишний довод в пользу критического положения России (1856 года).

Во время крымской войны российские полки стояли в Литве, прим. пер.

Такое положение общества, пассивного и бездеятельного, тем не менее открывало дорогу новым веяниям, начинал пробуждаться народный организм, он находил силы преодолеть диссонансы времени, которые пока еще не нарушали общей гармонии. В этой гармонии появлялись уже и другие звуки и тона, противоположные существующим.

Так и шло до 1855 года, то есть до начала крымской войны и смерти Николая I. И можно сегодня признаться, что это время остроумно обобщил Е. Хоецкий (Charles Edmond) – «*que Vempereur Nicolas a couv e les oeufs du Nihilisme en Russie*» («Император Николай вдруг обнаружил в России нигилизм» франц. яз.)

Этот гордый автократ способствовал пробуждению патриотизма в Польше, а Брандт высказался так по этому поводу:

– Отчизна перестала быть миражом и стала объектом веры и мечты поляка.

Резюмируем вышесказанное. Конфискации владений, закрытие Университета в Вильне и всех высших учебных заведений, внедрение русского языка для обучения в начальных школах, закрытие костелов и монастырей, присвоение их земель государством и изъятие сокровищ, отторжение сельских жителей от Униатства и насильное крещение в православие сделали свое дело. Особенно надо отметить роль рекрутских поборов у мелкопоместной шляхты и реформу судопроизводства после запрета «Статута литовского» (Статуты Великого Княжества Литовского существовали в разных редакциях с 1588 до 1840 года). Общество гражданское было разрушено, молодежь деморализована, работали «Следственные комиссии», разбирающие политические дела, в Вильне и Киеве, в результате их деятельности цвет молодежи, лучшие граждане были сосланы на Кавказ и Сибирь. А нечеловеческие правила отрыва еврей-

ских детей от семьи и отправка их в «кантонисты», на флот, где они проходили через все ужасы насилия над душой и телом! Оторванные от семьи, от своих матерей, они становились добычей православного прозелитизма. Вот что дало правительство царя Николая в Литве и России.

Характер и поведение царя были таковы, что, с точки зрения поляка, его можно было назвать «Диктатором Европы», однако, чтобы не быть голословным, приведем слова русского автора того времени, которого никак нельзя подозревать в особой любви к Польше. В XXIV томе «Русской старины» за 1878 год, в статье «Записки Ивана Степановича Зыркевича, автор так описывает аудиенцию, которую ему дал царь перед отправкой его на пост губернатора Симбирска:

– «... После беседы со мной государь обратился к г. Гоноропуло, вежливо приветствовал его, говоря, что давно его знает и потому назначил его губернатором Белостока по представлению князя Долгорукого (Виленского генерал-губернатора).

Очи цезаря заблестели, он как бы выпрямился во весь рост и, повысив голос, изрек:

– Не буду тебя учить, как надо поступать с поляками. Живым примером для тебя есть князь Долгоруков. Только с железными рукавицами на руках. Они будут глядеть тебе в глаза, заглядывать в душу, кланяться, распластуются, будут бить челом, но ты помни – Поляк останется всегда поляком! Он не помнит добра, даже не чувствуют его, ужом будет ползать у твоих ног, лизать их, а потом доберется до шеи и задушит тебя!

– Повторяю, берегись! Держи ухо востро!

Потом ласковым голосом обратился ко мне и спросил, когда я намерен отъехать».

Вот такую инструкцию российский царь давал сановнику, отправляя его в Польшу. Вряд ли были указания другого рода своим заместителям.

На этом и остановим беглый взгляд на общественную жизнь Руси Литовской во время царствования Николая I. Добавим лишь к вышесказанному слова присяги, которую царь Николай давал при вступлении на трон в Варшаве 12 мая 1829 года:

«Dieu Tout puissant! Dieu de Mes Pères! Roi de Bois! O Toi qui crea Tunivers par Ta divine parole et dont la sagesse infinite forma l'homme pour gouverner le monde dans la voie de la verit e. Tu m'as appelle à être Boi et juge de la valeureuse nation polonaise. Je reconnais avec un saint respect les effets de Ta c eleste bont e envers moi, et en Te rendant grâce, pour Tes bienfaits, je m'humilie en même temps devant Ta divine Majest e. Daignes, o mon Maître et mon Dieu, eclairer mes pas dans cette carrière suprême et diriger mes actions pour l'accomplissement de cette haute vocation; que la sagesse qui environne Ton Trône soit avec moi, Fais la descendre des deux, pour que je sois p en etre de Tes volont es souveraines, et de la verit e de Tes commendements; que mon coeur soit dans Ta main et que je puisse regner pour le bonheur de mes peuples et pour la gloire de Ton Saint Nom, d'après la Charte octroy ee par mon Auguste Pred ecesseur, et d ejà jur ee par moi, afin que je ne redoute pas de comparaître devant Toi, au jour de Ton jugement eternal; par la gloire et la mis ericorde de Ton divin Fils J esus Christ, avec Lequel Tu es b eni, ainsi qu' avec le Très el ement, Très-Vi-vifiant, Saint Esprit, jusqu'à la fin des siècles. Amen. (Русская старина. Записки кн. Мердера 1885 год).

Бог Всемогущий! Бог отцов моих, царь царей! Ты своим Божественным словом сотворил этот мир и человека, который благодаря твоей бесконечной мудрости, этим миром правил и вел по дороге правды. Ты назначил меня быть королем и судьей доблестного народа польского. Признаю и смиренно покоряюсь твоей небесной благодати, и благодарю Тебя за все благодеяния Твои и покоряюсь Твоему Божественному величию. Мой Бог и Господин, освети мне путь в этом высоком назначении и руководи мной на этом благородном поприще, Пусть мудрость твоя, окружающая твой трон, всегда будет со мной. Спустись с небес, приму Твою высшую волю и правду твоих повелений, передаю свое сердце в руки Твои, чтобы мог я править народом

моим во имя счастья и хвалы твоего Божьего имени, данными мне правами. не боясь стать перед обликом Твоим в День Страшного суда, во хвалу и милосердие Твоего Божьего сына, Иисуса Христа, и всеживляющего Божьего Духа, благослови меня во веки веков. Аминь.

Возвращение из Европы

1859 год надолго остался в моей памяти. В этом году я окончил курсы живописи в Санкт-Петербургской академии, потом учился в Риме и Париже, вернулся в Литву и стал жить в Новогрудке. После моих длительных странствий за границей я, наконец, оказался среди своих, мне повезло, моя артистическая натура прибилась к пристани именно там, где прошло мое детство и где меня обуревали юношеские грезы, где я был в окружении приветливых и близких мне по крови и духу людей. Там прошло немало моих счастливых дней и там, главное, я застал еще свежие следы моих соотечественников, которые светом своего гения осветили мой путь. Там открыл я свое предназначение служить Новогрудской земле, работать на благодатной ниве эстетического воспитания молодежи, там, я считаю, провел самые счастливые дни своей жизни.

Но прежде я должен для полноты моих воспоминаний коснуться дней, которые провел за пределами родины.

До 1858 года я жил в Париже. Это был памятный год в общественном движении, когда произошли события, которых ждали веками, освобождение крестьян от российского гнета. Проехав по большей части всей Европы, побывав в Германии, Бельгии, Франции, Испании и Италии, хотя цели моих путешествий были преимущественно художественные, я пришел к мысли, что надо сформулировать определенную программу для родного края, чтобы улучшить его жизнь. Надо было, в качестве краеугольного камня, поставить заново вопрос о крестьянской доли.

Никто сегодня не сомневается в том, что крепостничество проложило глубокую пропасть ненависти в народе, ослабило народ, что народная масса, униженная, подневольная, сыграла роковую роль в нашей судьбе. Естественно, что на это было обращено внимание всей Европы, что этот вопрос должен был занимать и занимал свое главное место в парижской «польской колонии». Так что ничего удивительного, что этот вопрос стал основным для шляхты и ее крестьян. Известно, что этот вопрос ставился много раз, но безрезультатно. Любая весть с родины облетала всю польскую общину. Хватало вестей и утешительных, но все таки, надо признаться, больше было неблагоприятных, причем даже не с той стороны, откуда можно было их ожидать.

Стихи Сырокомли, в которых поэт возмущался увиденным, подтвердили вскоре то, чему не хотелось верить. Всколыхнув общество, долго находящееся в застое, они должны были расшевелить его, подвинуть к должным целям. Нашлись и те, а их было немало, кто громко ратовал за свои личные интересы, их голоса часто превышали голоса тех, которым было дорого и прошлое, и кто думал о будущем. Обеспокоенные переменами в крестьянской жизни, они искали всякие способы, чтобы эти перемены не оказались для них плачевными. (Не так давно эти перемены были целью усилий благородных господ и могли бы стать основой сохранения строя). Меня это все мало касалось. Их было меньшинство, хотя и вредное, но их слова уносил ветер. Их декламации ограничивались лишь патриотичными фразами, они не были вовлечены в общее дело, а позы жертв в своих великодушных порывах, не вызывали понимание.

Они вкладывали, каждый по мере своей совести, в объяснение своих действий и поступков, что им было выгодно и удобно, прибавляя при этом – то что мы делаем для себя, принадлежит всему краю. Ползание и подличание перед высшими, чтобы получить титул или должность, объясняется прежней разрухой господских устоев, желанием дорваться до опеки над всем краем. Они постоянно приговаривали, что рост личных усадеб лишь увеличивает благосостояние края.

И вдруг неожиданно эти взгляды подверглись проверке. Призванные к должности, они увидели, что от них требуются и жертвы. Вопрос – быть или не быть, попал в их руки. Как

они это поняли – известно. В этом находится главная причина нашего поражения! Здесь берет начало тот разрыв между отцами и детьми во всей Польше, который закончился фатальной катастрофой!

Когда слово «Реформа» было впервые произнесено властями и стало общим лозунгом, когда открылось поле деятельности, ожидающее честных тружеников, может быть и с напрасными надеждами, а вместо действий край слышал лишь досужие разглагольствования, когда отцы, которые одни не умели, а другие не хотели, третьи медлили, а некоторые пошли по ложному пути, только подталкивая общее народное дело, время торопило нас.

Убийственное бездействие, либо что еще хуже, деятельность направленная на мелкие подробности общественной жизни, благие намерения, слишком тяготили народ и молодежь взяла дело в свои руки. Неискушенная, но горячая и страстная, молодежь села на мель и спровоцировала крушение. Это было неизбежно. Первым ее действием на Украине стало образование партии, так называемых «хлопоманов», которая не обратила внимание на то, что она не единственная шляхта на Руси, которая представляет польскую стихию, ее интеллигенцию, и вместо работы с ней лишь унижает ее, баламутит народ. А ведь на ненависти ничего нельзя построить, так что вскоре можно было ожидать и плачевных результатов.

Немногим позже отозвалось это эхом и в Литве в словах одного осужденного на смерть следственной комиссией в Вильно. На предъявленные обвинения, ответ на которые мог привести на верную смерть его близких он сказал:

- Да, я знал, что нас ждет, но я счастлив, наступит то, что мы ждали.
- И чего же господин так горячо ожидает, может быть, поведает нам, – спросил генерал.
- Да, – ответил он, – уничтожения шляхты.
- Ну, если так, – сказал председатель комиссии, – то я подам Вам руку.

Этот частный эпизод из происшествий того времени не может характеризовать общую тенденцию той молодежи, участницы восстания, так как большая ее часть была верна традициям шляхты и шла на смерть в защиту своей родины. Но были и такие, поэтому я и привел его в качестве примера.

Таким было положение общества, когда я вернулся из-за границы. Должен добавить, что перед моим отъездом из Парижа, по предложению старшины нашей парижской эмиграции, связанными с дурными вестями, я напечатал в «Przeglądzie rzeczy polskich» («Обзор польских дел») Эльжановского статью «Несколько слов Литвина», в которой описал ужасный случай в селе, где крестьяне замордовали академическую молодежь, которая обещала им свободу и дармовую землю. Политика образования крестьян стала для нас самым важным делом.

Когда я вернулся в Новогрудок, там уже все знали, особенно в слоях общества, которых это непосредственно касалось. Кроме горячих слов, продиктованных важностью момента, надо было пробудить сознание, оценить намерения и рассмотреть все детали, ведь речь шла не только о шляхте. Что до духовенства, то оно вскоре дало свой ответ, где речь шла о воздержании, соответственно давним традициям и несомненному желанию возврата к прежнему.

Известно, на какие вершины героизма поднялось восстание в это несчастное время, приведшее к массовому изгнанию, какой мученический крест был уготован восставшим, чьи кости легли в сибирской пустоши.

Не хочу быть поспешным и приписать себе какие-либо заслуги, все мы в руке Божьей, но и нет повода умолчать, что принадлежал я не к последним, кто имел мужество сказать, как братья братьям о недоле общей матери.

Правильно ли я поступил – не мне судить.

Прежде, чем я окончательно осел в Новогрудке, мне удалось оказать услугу этому городу. Это произошло следующим образом. Молодой врач А1... К... энтузиаст своей работы, полу-

чил право на аренду Замковой горы, с целью построить там дом для своей дочери по имени Альдона. Известие, что памятные остатки замка Мендога (Миндовга) на замковой горе, которая была как бы готовым пьедесталом и ждала лучших времен, чтобы на ней стоял памятник Адама (Мицкевича, прим. пер.), было профанацией при появлении там частного дома, что всех и возмутило.

Новогрудок. Замковая гора (гора Миндовга) рис. Наполеона Орды, карандаш, гуаш, 1876 г.

Со временем страсти улеглись и, как это у нас бывает, впечатление от этого известия испарилось, а внимание общества переключилось в другую сторону. Новый владелец исторического места стал тем временем продвигать свой проект дома и надо было вмешаться в это дело. Раз все средства против этого проекта, как просьбы или угрозы, были исчерпаны, оказались безрезультатными, и уже все свыклись с мыслью, что на Замковой горе появится строение современной Гражины, я напечатал в Варшавской газете статью в 1859 году, где вместе со стихами о чувствах молодого врача, апеллировал к нему как к поляку, напомнив об идеалах, которые вложили в него на университетских скамьях. О том, как надо беречь и хранить пиеетет к прошлому.

Эти слова, сердечные и теплые, дали нужный результат.

Dr. K... при первой же встрече в Новогрудке с жителями города отказался от своих прав на замок и намерения строить там дом. Сразу же начались просьбы к властям разрешить установку памятника Мицкевича в Новогрудке, что, как и предполагалось, не было принято властями.

Эти обстоятельства счастливого завершения и защиты замка от напастей XIX века объединили вокруг меня немало сочувствующих мне, может и забывших мои «Несколько слов Литвина» или другую корреспонденцию, посланную мной в рубрику газеты «Из под Несвижа в Ведомости Польские».

Наконец, 1 сентября 1859 года я был вызван письмом «Куратории Беларускаго Округа», которая размещалась в Новогрудке, и меня приняли учителем в только что открытую гимназию. Произошло то, чего я жаждал. Я мог внести свой скромный вклад в построение лучшего будущего, и желая содействовать общественным реформам, получил место, где мог направлять и воспитывать молодежь, что стало смыслом моей жизни.

Новогрудок до захвата земель Россией был столицей воеводства, но, как и многие другие города, был «понижен в значении» до скромного положения местожительства властей «повета» (область, уезд, бел. польск. яз.). Были снесены многочисленные костелы, исчезли сановники Новогрудка, проживающие там с давних времен, помнящие историю края.

Новогрудское воеводство было образовано в январе 1507 года и управлялось «Наместниками» (Великого князя литовского, прим. пер.). («Сенаторы и сановники Великого Княжества Литовского 1380—1799 гг», Józef Wolf. Kraków 1885 г.).

НАМЕСТНИКИ

Монтигерд Петр, как Наместник, управлял Новогрудком в 1431—1452 годах, одновременно был «маршалком» земским, умер в 1453 г.

Гаштольд Мартин – 1464—1471 гг. В 1471 году стал Воеводой в Киеве.

Монвид Войцех, 1475, одновременно подстольничий.

Монтвил Михаил, 1483—1474. Одновременно «каштелян» Троицкий (Троцк сегодня – Тракай, Литовская респ., прим. пер.) умер в 1486 г.

Солтан Александрович (Стретович Солтан Александрович, 1486—1487).

Радзивилл Николай 1488—1490. Одновременно Каштелян Троицкий, позже Воевода Виленский и Канцлер.

Пац (Пацевич) Юрий, прежде киевский воевода. Наместник новогрудский 1492—1496. Позже Наместник в Полоцке.

Забжезовский Юрий, каштелян троцкий и наместник Полоцкий, после Паца. В 1498 году стал Воеводой в Троицке и одновременно Маршалком земским литовским.

Хребтович Ян Литавор (Иван Богданович), наместник в Слониме и, видимо, одновременно в Новогрудке. В сражении под Видрошей попал в московский плен 14 июля 1500 года.

Гольшанский князь Семен Юрьевич, прежде староста в Луцке и Маршалок в Волини, вместе со многими воинами попал в плен в 1500 году. Воевода новогрудский и Высокий Гетман литовский. Глебович Петр, временно наместник новогрудский, умер в 1502 году.

Гаштольд Ольбрехт Мартинович, Троицкий воевода, Наместник новогрудский, одновременно с февраля 1503 года подचाший литовский.

Духовные и светские научные заведения, после упразднения Статута Литовского, лишились многочисленных должностей, адвокатуры, юристов.

ВОЕВОДЫ

Князь Иван Львович, киевский Воевода. При короле Зигмунте (Сигизмунд I, польск. яз. прим. пер.) назначен Воеводой в Новогрудок и определено ему место в Великокняжеской Раде рядом с Жмудским старостой. Сбежал в Москву в 1508 году.

Гаштольд Ольбрехт Мартинович, подचाший. После побега минского воеводы, временно, был Воеводой в Новогрудке, вернулся на должность подчашего в 1509 г.

Забжезовский Ян Янович назначен Воеводой в Новогрудок 26 февраля 1509 года. Обе эти должности занимал еще в октябре 1530 года. Оставаясь Маршалком земским, стал Воеводой в Троицке в 1530 году.

Гаштольд Станислав Ольбрехтович назначен Воеводой в Новогрудок в 1530 году. Заступил на пост Воеводы в Троске в 1532 году.

Остик Григорий Григорьевич назначен Воеводой в Новогрудок в 1542 году. На посту Виленского каштеляна с 1544 года.

Ходкевич Александр Иванович, Брестский староста, назначен Воеводой в Новогрудок в 1544 году, умер в 1549 году.

Полюбовский князь Александр Иванович занимал должность Воеводы в Новогрудке в 1551 году.

Горноста́й Иван, маршалок «дворны», писарь земского подскарбного Слонима, Мстислава, Березнян и Зельвы, оставлен на этих должностях и был назначен Воеводой новогрудским 6 августа 1554 года. Умер в 1558 году.

Сапега Павел Иванович с поста Воеводы Подляшья был назначен Воеводой Новогрудка в 1558, умер в 1579 году.

Князь Радзивилл Николай Николаевич, литовский ловчий, был назначен Воеводой в Новогрудок в 1579 году, умер в 1589 г.

Тышкевич Теодор Скуминович, подскарбий земский., назначен Воеводой в Новогрудок в 1590, умер в 1618г.

Сапега Николай Крыстоф, Воевода Минский, назначен Воеводой в Новогрудок в 1618 году, умер в 1638г.

Минский Воевода Александр был назначен в Новогрудок в 1638 году, потом переведен в Троцкое воеводство в 1642 году. Разогнал сонмище адвокатов, при нем исчезли поместья, арендованные шляхтой для отдыха. Позже Радзивилла сменил князь Зигмунд Кароль, мальтийский рыцарь, с поста подчашего литовского назначенный Воеводой в Новогрудок в 1642 году. Умер в Италии в Ассизе в 1642 году, так и не приступивший к своим воеводским обязанностям.

Сапега Томаш, воевода в Вендене (совр. Латвия, прим. пер.) был переведен воеводой в Новогрудок в 1643 году, умер в 1646 году.

Хребтович Юрий, пярнский воевода, назначен в Новогрудок в 1646, умер в 1650 г.

Халецкий Кшыштоф, мечник *, назначен в Новогрудок в 1650 году.

* Мечник великий литовский, – государственная должность в Великом княжестве Литовском (конец XV – XVIII веков), мечник следовал за подкоморием и занимал 13-е место при дворе, за ловчим (Википедия)

Вязевич Петр Александр, подкоморий (судебное должностное лицо ВКЛ)

Мстиславский, назначен Воеводой в Новогрудок в 1653 г., умер в 1658 г.

Володкевич Кшыштоф, писарь земский минский, назначен Воеводой в Новогрудок (1658—1670).

Керсновский Ян, судья земский новогрудский, назначен Воеводой в 1670 г.

Полубенский Димитрий Самуэль, подкоморий слонимский, назначен Воеводой в Новогрудок в 1671 году, умер в 1679 г.

Уничевский Богуслав Александр, писарь земский, новогрудский и маршалок трибунала литовского назначен в Новогрудок Воеводой в 1689 г., в то же время стал Воеводой троцким.

Тизенгауз (von Tiesenhausen) Стефан, кухмистр литовский, назначен Воеводой новогрудским в 1689 году, умер в 1709 году.

Князь Радзивилл Ян Миколай, литовский кравчий, назначен воеводой в Новогрудок в 1709 год, умер в 1729г.

Микалай Фаустын, мечник литовский, назначен воеводой в Новогрудок в 1729 году. умер в 1746 г.

Князь Юрий Радзивилл, любошанский староста, назначен воеводой в Новогрудок в 1746 году, умер в 1754 г.

Князь Яблоновский Иосиф Александр, стольник литовский, назначен воеводой в Новогрудок в 1755 году, в отставке с 1773 года, умер в июле 1777 г.

Неселовский Иосиф, каштелян новогрудский, назначен воеводой в 1773 году, пережил раздел Жечи Посполитой, умер 8 марта 1812 года.

КАШТЕЛЯНЫ :

«Каштелян»* первоначально был управляющим замком. В Литве эта должность была скорее почетной и предназначалась для увеличения числа сенаторов (в Сейме, прим. пер.). Каштелян был заместителем Воеводы, в его прямые обязанности входило руководство войском и остальными жителями поветов. По ступеням, с низшей должности до высшей, это соответствовало: Маршалок, Презес (судья) повятового суда, плебан и декан общины.

Вместо «каштеляна» употреблялось и просто «пан» (господин, польск. яз.). Можно было назвать его просто «пан Троцкий», «пан Виленский» и тд. Должность каштеляна в Новогрудке была образована в 1560 году. Вот их полный список:

Волович Григорий Гринкович, староста Слонима, назначен был каштеляном в Новогрудок в 1566 году, умер в 1585 г.

Князь Полубенский Александр Иванович был назначен каштеляном в Новогрудок в 1586 году, умер в 1607 г.

Волович Самуэль, староста молчадский, назначен каштеляном в 1608 году, умер в 1626 г.

Копец Василь Васильевич Корес, брестский подкоморий, назн. кашт. новгр. в 1626 году, ум. в 1636 г.

Рудомина Дусяцкий Ян, новорудский хорунжий, назн. кашт. новогр. в 1636 г., ум. в 1646 г.

Стеткевич Заверский Богдан Вильгельмович, мстиславский каштелян, назн. кашт. новогр. в 1646 г. ум. в 1651 г.

Стеткевич Самуэль, назн. кашт. новогр. в 1652 г. ум. в 1660 г.

Юдицкий Микалай Владислав, генерал артиллерии лит., назн. кашт. новогр. в 1660 г., ум. в 1670 г.

Зенович Станислав, подкоморий велькомирский, вилькийский лесничий, назн. кашт. новогр. в 1671 г. ум. в 1672 г.

Есьман Кшиштоф, слонимский хорунжий, назн. кашт. новогр. в 1672 г. Стал смоленским воеводой в 1677 г.

Пшездецкий Микалай Владислав, ошмянский маршалок, назн. кашт. новогр. в 1677 г. ум. в 1683 г.

Война-Ясенецкий Александр, brasлавский староста, назн. кашт. новогр. в 1684 г. ум. в 1698 г. ум. 1698 г.

Александрович Стефан, гродненский маршалок, назн. кашт. новогр. в 1698 г. ум. 1700 г.

Обухович Теодор Иероним, новогрудский подкоморий, назн. кашт. новогр. в 1700 г. ум. в 1707 г.

Новосельский Антон, стражник польный литовский, назн. кашт. новогр. в 1709 г., ум. в 1726г.

Оскерко Антон, писарь ВКЛ, назн. кашт. новогрудским в 1726 г. ум. в 1734 г.

Ничабытовский Богуслав, староста Пропойска, назн. кашт. новогр. в 1734 г. ум. в 1739г.

Рдултовски Ян, витебский каштелян, назн. кашт. новогр. в 1739 г., ум. в 1744 г.

Шишка Даниель, лидский стольник, назн. кашт. новогр. в 1744 г. ум. в 1756 г.

Хрептович Ян, брестский каштелян, назн. кашт. новогр. в 1756 г., ум. в 1765 г.

Неселовский Иосиф, чашник литовский, назн. кашт. новогр. в 1765 г., стал воеводой в 1773 г.

Еленский Рафаль Иосиф, земский судья в Вилькомире, назн. кашт. новогр. в 1773 г., ум. 1780г.

Еленский Геден, староста в Мозыре, назн. кашт. новогр. в 1780 г., пережил распад Речи Посполитой, умер в 1798г.

* В Великом Княжестве Литовском должность Каштеляна была введена в 1413 году с учреждением воеводств с центрами в Вильне и Троках (совр. Тракай), он занимал по должности второе место в воеводстве после Воеводы, прим. пер..

Несколько врачей, несколько юристов, офицеров конституционного войска, исправников, стряпчих, городничий, кассир казначейства, почтмейстер, несколько семей из прилегающих к городу окрестностей, вот почти все «сливки общества», так называемая, городская интеллигенция. Еще, не исключать же, префекта школы, как представителя этого общества. Исчезла уже из памяти то счастливое время, остатки свободы XVIII века, домашние развлечения, «разбойничьи логова», жившие почти в каждом городе.

После распада (Речи Посполитой, прим. пер.) и разрухи всего края, дружеские забавы и сборища устраивались с желанием принять гостей, угостить их изысканной кухней, привольным общением, что привлекало множество гостей из города и окрестностей. Здесь «золотая молодежь» (или позолоченная) получала первое крещение в своей жизни, отсюда росли корни праздности и потерь, здесь под видом завязывания общественных «отношений», легкомысленно ставилось на карту и состояние отцов и, нередко, и честь семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.